

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО: РАКУРС К “ПОСВЯЩЕНИЮ”

Георгий Нефедьев

Итальянское путешествие Андрея Белого уже привлекало внимание исследователей как само по себе, так и на фоне художественно-публицистических и мемуарных текстов писателя.¹ К настоящему времени опубликованы также некоторые письма Белого, написанные им из Италии.² Само изучение итальянского путешествия в контексте жизни и творчества Белого приводит, однако, к более сложной и значимой теме, теме Италии в духовной биографии Белого. В данной работе предполагается рассмотреть лишь определенный аспект этой темы, связанный с поиском Белым “путей посвящения”,³ и публикуемые ниже письма будут прочитаны именно в ракурсе “инициатического” сюжета.

Обстоятельства личной жизни Белого, повлиявшие на его отъезд за границу, достаточно хорошо известны и освещены на страницах его мемуаров. Эти обстоятельства не таят в себе никаких эзотерических подтекстов, и вполне адекватно объясняются обычной жизненной прозой. Непосредственно перед поездкой Белый соединил свою судьбу с

¹ См.: Чезаре Де Микелис. “Путешествие по Италии” Андрея Белого // Andrej Belyj: pro et contra. Milano 1986; Wilfried Potthoff. Zu Andrej Belyjs Putevye zametki. I. Sicilija i Tunis (там же).

² См., напр.: письмо к А. Д. Бугаевой от 18 (31).12.1910 // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М. 1988, с. 148-150; письмо к А. Блоку от 6(19).12.1910 // Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. Летописи Гос. Лит. Музея. М. 1940, с. 243; письма к В. Я. Брюсову (ок. 17. 12. и 24. 12. 1910 г.) // Литературное Наследство. Т. 85. М. 1976, с. 421, 422.

³ Этот аспект уже был затронут в исследовании Ч. Де Микелиса “Путешествие по Италии” Андрея Белого, в основном на материале “Путевых заметок” Белого.

А. А. Тургеневой – Асей, отказавшейся скрепить их брак церковным венчанием. Отсюда – необходимость вырваться из Москвы, во избежание скандала и сплетен в “порядочном” обществе. В еще большей степени Белому было просто необходимо отдохнуть от московской суеты, вдали от которой он смог бы приступить к работе над новым романом, задуманным как продолжение “Серебряного голубя”. С этой целью книгоиздательство “Мусагет”, организованное в 1909 году другом Белого – Э. К. Метнером, выделило писателю денежный аванс на время его путешествия. Однако, как впоследствии выяснилось, в этом дружеском жесте скрывались и будущие сложности, омрачившие пребывание Белого за границей.

Вот как об этом повествовал позднее сам Белый: “Много есть форм оказывать человеку поддержку; и ‘Мусагет’ мне ее оказал, предоставив в мое распоряжение три тысячи; но этим он меня покупал целиком как писателя: на ряд лет; но и три тысячи, – выдай он мне единовременно их, я мог бы их утилизировать целесообразно; нет, меня ущемили и тут обещанием высылать ежемесячно рублей двести-триста, что впоследствии было вечным источником траты денег: из-за ожидания их; <...> Кожебаткин, от которого зависела высылка, опаздывал с ней иногда на месяц; а мы – томились, не имея возможности никуда двинуться”.⁴ Кроме того, “Мусагет” нагрузил Белого различного рода редакционной работой (написание предисловий, редактирование текстов). Но даже отказавшись от нее, Белый так и не смог приступить к своему роману. Единственное, что ему удалось реализовать, был задуманный еще до поездки замысел книги “Путевых впечатлений”, основу которого составили заграничные фельетоны, публиковавшиеся в ряде газет (в “Речи”, “Утре России” и “Современном слове”). Эта книга, так и не изданная своевременно “Мусагетом”, и известная теперь нам как “Путевые заметки”, вышла в свет в 1921 году.⁵

Отъезд из Москвы Белого и А. А. Тургеневой состоялся 26 ноября (9 декабря) 1910 г. Проехав через Вену и осмотрев в ней готические соборы,⁶ 12 декабря они уже были в Венеции. Следующий день был целиком

⁴ Андрей Белый. Между двух революций. М. 1990, с. 358, 359 (далее – сокращенно: Между двух революций).

⁵ В переработанном виде первый том этой книги был издан дважды: 1) Офейра. Путевые заметки. Часть 1. М., Книгоиздательство писателей в Москве, 1921; 2) Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. М.-Берлин, “Геликон”, 1922 (более полная редакция текста). Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: Путевые заметки. 2-й том “Путевых заметок” – “Африканский дневник” был опубликован в кн.: Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. I. М. 1991, с. 330-454 (предисловие Н. Котрелева, публикация С. Воронина).

⁶ В письме к А. Д. Бугаевой от 17 декабря 1910 г. Белый сообщал из Палермо: “Приехали благополучно. Страшно устали. Промелькнула быстро неприятная Вена; там – ночевали;

посвящен Риму. Далее, проездом через Неаполь, 17-го они прибыли в Палермо, остановившись там на целую неделю. Не позднее 24 декабря перебрались в Монреаль, где и оставались вплоть до 5 января 1911 года – дня отплытия к берегам Туниса. Таков внешний маршрут и хронологические рамки итальянского путешествия Белого.⁷

Останавливает на себе внимание тот факт, что именно в Палермо и Монреале остановки оказались наиболее длительными. Остановка в Палермо объясняется просто: в нем самом или в его окрестностях первоначально и предполагалось обосноваться для продолжительной творческой работы. Но в окружающих Палермо рыбацких деревушках домиков и комнат не сдавали, а в самом городе было очень дорого. Однако, не смотря на это, прежде чем переехать в Монреаль, Белый и Ася довольно долго прожили в Палермо. Во-первых, потому что подыскивали себе подходящее жилье за умеренную плату, а во-вторых (и главным образом) их привлекал “Отель Пальм” (Grand Hôtel des Palmes, via Roma 398), где они остановились. В этом отеле в свое время жили Р. Вагнер и Г. де Мопассан, чьи имена оказались для Белого и Тургеневой особенно дороги и значимы именно в контексте путешествия по Италии.

Книга Мопассана “Бродячая жизнь”, обнаруженная и прочитанная в “Отель Пальм”, явилась для них (вместе с “Путешествием в Италию” Гете) настольной книгой, по которой даже намечались сицилийские маршруты.⁸ Образ же и творчество Р. Вагнера (его драмы-мистерии, идеи всенародного театра, синтеза искусств и т.д.), еще до итальянского путешествия, имели для Белого и, шире – всего русского символизма, определяющее значение.⁹ Поэтому становится понятным желание Андрея Белого задержаться в Палермо, тем более, что именно в “Отель Пальм” Р. Вагнер завершил работу над своей последней музыкальной оперой

осмотрели два готических старых собора (Св. Стефана и Potir-Kirche); утром рано уехали на Венецию” (РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 359, л. 21).

⁷ См.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества // А. В. Лавров. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М. 1995, с. 310-311.

⁸ Книги об итальянском путешествии Гете и Мопассана можно считать, в какой-то мере, прообразами “Путевых заметок” самого А. Белого: как в жанровой специфике, так и в последовательности маршрутов по достопримечательностям Италии и их описанию.

⁹ О значении Р. Вагнера и вагнеровской мифологии для русских символистов, и о реминисценциях его творчества в их произведениях см.: Д. Рици. Рихард Вагнер в русском символизме // Серебряный век в России. М., 1993; В. G. Rosenthal. Wagner and Wagnerians Ideas in Russia // Wagnerism in European Culture and Politics, 1984; V. Strada. Aleksandr Blok e Richard Wagner; musica e storiosofia nel simbolismo russo // V. Strada. Simbolo e storia. Venezia 1988; H. Willich-Lederbogen. Richard Wagner im russischen Symbolismus: Metner und Ellis als Vermittler Richard Wagner // “Die Welt der Slaven”. 1998. Bd. XLIII.

“Парсифаль”, а хозяин отеля помнил своих постояльцев и много рассказывал о них (об этом Белый постоянно пишет своим корреспондентам).

В Монреале Белый и А. А. Тургенева задержались на еще больший срок, и это не смотря на то, что условия жизни в “Ristorante Savoia”, где они остановились, были очень тяжелыми (см. письмо 9). Причиной тому являлся, в определенном смысле, Монреальский собор. Корреспонденция Белого этого периода и страницы его “Путевых заметок” насыщены многочисленными и восторженными описаниями “византийской” мозаики собора. Но, не в меньшей мере, Монреальский собор привлекал его тем, что последний послужил для Вагнера прообразом замка Грааля в “Парсифале” – Монсальвата.¹⁰ Видимо, Белый намечал не только сицилийские маршруты “по Мопассану”, но и иные, эзотерические маршруты – “по Вагнеру”.

Вопрос об “эзотерических маршрутах” итальянского путешествия непосредственно связан с вопросом о месте и роли “посвятительного” мифа или сюжета в биографии и творчестве Белого.¹¹ Более правильно было бы говорить даже не о “посвятительном мифе”, но о “посвятительном пути” и его “поисках”, поскольку этот “миф” создавался Андреем Белым на определенном этапе “пути”, в автобиографических документах (дневниках, мемуарах), имеющих характер вторичной рефлексии. Самого же Белого, как человека и как “эзотерика”, интересовало прежде всего обретение реального (а не мифического) тайного знания на “путях посвящения”. Если верить позднейшей записи в “Материале к биографии” (1923), то уже в 1901 году для Андрея Белого “«Путь посвящения» становится зовом души”.¹² Реконструкция этого пути – тема специального исследования, и поэтому выходит за рамки данной работы. Но очевидно: итальянское путешествие, равно как и все непосредственно предшествующие ему и последующие за ним события, представляют собой единое символическое и эзотерическое целое, объединенное поиском “путей посвящения”.

Чтобы осмыслить и понять путешествие Белого и А. А. Тургеневой как путешествие “инициатическое”, необходимо прочитать его в определенном ракурсе. И этот ракурс дан в “Путевых заметках”, к работе над которыми (в форме фельетонов) Белый приступил во второй половине

¹⁰ Об этом А. Белый упоминает в “Путевых заметках” (с. 135) и в своих мемуарах (Между двух революций, с. 369).

¹¹ Этот вопрос рассмотрен в диссертации Е. В. Глуховой “Посвятительный миф” в биографии и творчестве Андрея Белого (М. 1998).

¹² См.: Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж. Малмстада // Минувшее 9. М. 1992, с. 454.

декабря 1910 года. Письма же этого периода, как кажется на первый взгляд, не содержат в себе никаких эзотерических или оккультных подтекстов. Но сам Белый с последним положением вряд ли бы согласился. Так, по поводу уже другого своего путешествия, в “Записках чудака”, он описывает метод рассмотрения и прочтения оккультных знаков на материале самой прозаической действительности, и заключает: “События путешествия – части огромного знака, построенного на последних годах”.¹³

В отношении путешествий Белого 1910-1911 и 1912 годов этот “огромный знак” – поиск “пути посвящения”. Тогда, слагающие его части – “события путешествия”, имена и названия, отсылающие к определенному эзотерическому контексту, и только через него “говорящие” Белому и его корреспондентам. В письмах Белого – это неоднократное упоминание Монреальского собора, имен Вагнера, Гете, Калиостро.

Среди событий последних лет, предшествовавших отъезду Белого за границу, одним из наиболее значительных в его биографии была встреча с А. Р. Минцловой, пытавшейся привести его к розенкрейцерскому посвящению.¹⁴ Как бы потом сам Белый негативно не относился к личности Минцловой, бесспорно одно: именно ее “сказки” о таинственных учителях и братьях-розенкрейцерах заставили Белого реально заняться поисками “путей посвящения”, которые привели его к антропософскому ученичеству у Р. Штейнера в 1912 году.¹⁵

“Мистический треугольник”, или тройственный союз, образованный в 1909 году между Минцловой, Вяч. Ивановым и Белым, имел своей целью

¹³ Андрей Белый. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М. 1997, с. 349-351, 350. “Записки чудака” (1922) можно рассматривать, в определенном смысле, как продолжение “Путевых заметок”. См.: Ч. Де Микелис. “Путешествие по Италии” Андрея Белого; с. 54.

¹⁴ О влиянии А. Р. Минцловой и ее розенкрейцерской проповеди на А. Белого и др. символистов см. “маленькую монографию” Н. А. Богомолова “Anna-Rudolph” в его книге “Русская литература начала XX века и оккультизм”. М. 1999. См. также: Maria Carlson. Ivanov – Belyj – Minclova: The Mystical Triangle // Cultura e memoria. Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a V. Ivanov. I. Firenze 1988; Е. В. Глухова. “Посвятительный миф” в биографии и творчестве Андрея Белого. М. 1998. (3-я глава: Розенкрейцерство и русский символизм).

¹⁵ А. Р. Минцлова, как член Немецкого отделения Теософского общества и эзотерической школы Р. Штейнера, будучи одной из первых его русских учениц, внесла наиболее значительный вклад в распространение идей Доктора в русском обществе в 1900-х гг. После таинственного исчезновения Минцловой в 1910 году многим ее последователям среди символистов (в том числе А. Белому, Эллису и другим), лишившимся в ее лице посредника между собой и инспирирующими ее розенкрейцерами, не оставалось ничего другого как обратиться к Штейнеру – единственному человеку, обладавшему в их представлении (со слов Минцловой) хоть какой-то харизмой розенкрейцерского братства.

создание в России розенкрейцерских лож (вокруг Белого и Иванова).¹⁶ Смысл предложения Минцловой (со слов Белого) был следующий: “События будущего апеллируют к возрождению нового розенкрейцерства, лишь освещенного силами старого; новое рыцарство – возникает; в России союз – должен быть: коллектив, *sui generis* ложа; и нужно, чтобы в Москве, в Петербурге нашлись два лица, группирующих тех, кто себя свяжут братски, чтоб стать под знамена – духовного света; <...>”.¹⁷ Одна из лож, усилиями Белого и Э. К. Метнера, была практически создана в книгоиздательстве “Мусагет” на базе “Орфея” – редакционного отдела, занимавшегося выпуском мистико-религиозной литературы.¹⁸

В мае 1910 года А. Р. Минцлова предлагает Вяч. Иванову и Белому отправиться осенью в итальянский город Ассизи, где должна была произойти их встреча с розенкрейцерами и “посвящение”. Как известно, это предложение было ими отвергнуто, как по личным мотивам, так и по недоверию к этой “посвятительной сказке” (главным образом, со стороны Белого).¹⁹ Перед своим таинственным исчезновением Минцлова, однако, обещает Белому ровно через год (в сентябре 1911 г.) встречу с человеком (розенкрейцером), с которым он сможет поговорить о продолжении своего “пути посвящения”.²⁰

Подтверждением того, что это обещание было воспринято Белым со всей серьезностью, являются многочисленные его письма к своим друзьям по эзотерическому коллективу в “Мусагете”.²¹ Во многом именно в атмо-

¹⁶ См. запись А. Белого о пребывании в январе 1909 г. в Петербурге: “Интимная встреча с Вячеславом; перманентная трехдневная беседа между мною, Ивановым, Минцловой; начало нашей *тройки*; с этим сознанием еду в Москву” (Андрей Белый. Ракурс к дневнику. РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 100, л. 46 об.).

¹⁷ Андрей Белый. Начало века (берлинская редакция), цит. по: Н. А. Богомолов. Русская литература начала XX века и оккультизм, с. 74-75.

¹⁸ “Орфей” представлялся Белому и его друзьям эзотерическим ядром в эзотерическом “Мусагете”. См.: Андрей Белый. Начало века (берлинская редакция). РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 27, л. 93. По словам А. Белого: “Петровский, Сизов, Киселев, – ожидая возможности *внутренней линии*, думали наш ‘Мусагет’ превратить в орган будущей *ложи*” (там же, л. 90). См. также: Андрей Белый. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М. 1997, с. 348.

¹⁹ См. подробнее в мемуарных документах А. Белого: Андрей Белый и антропософия // Минувшее 9, с. 466; Начало века (берлинская редакция), л. 118-127.

²⁰ См.: Н. А. Богомолов. Русская литература начала XX века и оккультизм, с. 106.

²¹ См., например, слова Белого об А. Р. Минцловой в письме к Э. К. Метнеру от 1 октября 1910 г.: “Она прошла между нами: она была о свете; но ее больше нет, хотя свет, ей зажженный, все теплится; и мы о свете; она дала форму нашим стремлениям; <...> Ее нет, но мы ждем *следующего*” (РГБ, ф. 167. карт. 2. ед. хр. 18, л. 1 об.-2).

сфере ожидания этой “встречи” и под впечатлением “сказок” Минцловой Белый отправляется в свое заграничное путешествие.

Не случайно, что уже почти на первых страницах “Путевых заметок”, повествующих о самом начале путешествия, Белый передает следующий свой диалог с Асей:

<...> Мы – впервые остались вдвоем; ожидала сумятица дней, по которым мы шли к... посвящению в жизнь:

– Перестала быть сказкою сказка о древних путях...

– Да, я верю!

– И ты не боишься того, что нас ждет...

– Верю в встречу...

– В ту самую...

– Только лицо, обещавшее встречу, исчезло.

– Куда?

– Я – не знаю...

– Оно не вернется.

– О, нет: никогда...

– Но кого же ты ждешь?

– Я – не знаю...

– В масонов не веришь?

– Не верю...

– Когда это будет?

– Не знаю...²²

Не трудно увидеть, что здесь заключен пролог, и в то же время искомая цель всего путешествия: вера в реальность “пути посвящения” (“сказки о древних путях”), и “в ту самую” встречу, обещанную Минцловой (не с масонами, но именно с розенкрейцерами).

Отправляясь в поездку с мыслями о возможном в будущем посвящении, Андрей Белый не мог не думать и об Ассизи – месте своего несостоявшегося посвящения. Можно предположить, что и само путешествие именно в Италию (а, например, не в Германию), было выбрано им с тайным (быть может, не вполне осознанным) желанием хотя бы прикоснуться к ее священной земле, пройти рядом с волнующей загадкой, остающейся закрытой для него еще на год. Без сомнения Белый выстраивает некоторый маршрут путешествия, *маршрут инициатический*, а не просто “по Бедкеру” (или, не только “по Бедкеру”), включающий и посещение Ассизи. “Следы” этого маршрута можно найти в “Путевых заметках”: “Мы хотели сперва изучить мир культуры Сицилии <...> и после, подняв-

²² Андрей Белый. Путевые заметки, с. 16-17.

шись на север, через Равенну, Ассизи, чрез фрески Джотто <sic!> вплотную уже подойти к Ренессансу”.²³ Однако, в городе св. Франциска Белому так и не удалось побывать: монреальские холода и собственная логика начавшегося путешествия, нарушили первоначальные планы, все дальше от севера уводя его на юг – в Африку и в Палестину.

Позднее, в “Путевых заметках”, Белый пытался представить все свое путешествие 1910-1911 гг. в виде пути, закономерно приводящего его в Дорнах, к Р. Штейнеру: “Нить событий, недавних в то время, похожих на сказку, – гоняла по странам; теперь: после гроба Господня и после огромного Дорнаха можем позволить себе мы роскошества: помедитировать над Джордано, Коперником, Галилеем; тогда же – Раймонд привлекал; и – дух Данте манил; Иоанново здание медленно вызрело...”.²⁴ Здесь важно отметить имена Данте и Раймонда Луллия – испанского теолога, алхимика, поэта и одного из духовных предтеч братства розенкрейцеров.²⁵ Их имена довольно часто упоминаются Белым и Эллисом в документах (в основном эпистолярных), связанных с розенкрейцерством (попыткой создания братства в 1909-1910 гг. и позже). Это свидетельствует (как и указание Белого, что именно “тогда” эти имена его “привлекали”) о розенкрейцерском характере “посвятительного пути”, к которому он стремился в тот период, но отнюдь не об антропософском.

В самих письмах Белого (публикуемых ниже) есть также и другие “окультурные знаки” – имена, соединяющие в единый семантический и символический контекст рецепции розенкрейцерской мифологемы и “посвятительный” маршрут путешествия. Так, в письме к Э. К. Метнеру от 25 декабря 1910 г. (письмо б) упомянут граф Калиостро. В “Путевых заметках” упоминается также Палермо, как место его родины, и говорится, что Гете в Сицилии собирал материал о “первых годах Калиостро”.²⁶

Соположение этих двух столь различных имен отнюдь не является только простой фактологической справкой любознательному читателю, и

²³ Там же, с. 35. Видимо, нельзя считать случайным посещение Ассизи в разное время друзьями и знакомыми Белого, в той или иной степени также бывшими затронутыми влиянием Минцловой, или знакомыми с ее “посвятительными” планами. Так, в октябре 1910 года в Ассизи приезжали Э. К. Метнер и М. В. Сабашникова, а в течение 1913 года там побывали независимо друг от друга Эллис, С. Соловьев и Е. Герцык.

²⁴ Там же, с. 36.

²⁵ Интересно отметить, что за время своих скитаний Раймонд Луллий (1232-1315) побывал в Вене, Италии, Тунисе, Египте и Иерусалиме, которые посетил и А. Белый в 1910-1911 гг.

²⁶ Там же, с. 51, 110. См. также в мемуарах А. Белого: “Встает образ Джузеппе Балзамо; иль Калиостро” (Между двух революций, с. 369).

далеко не случайно. Известно, что имя веймарского мыслителя и поэта, в германофильски ориентированной программе “Мусагета” было одним из культовых, а книга Гете “Путешествие в Италию” была настольной в путешествии самого Андрея Белого, и в какой-то мере архетипической для него.²⁷

В своей книге Гете действительно упоминает о Калиостро. Но не только. Он пишет о семействе Бальзамо, которое ему удалось разыскать, и даже о своих попытках помочь ему.²⁸ Литературным же итогом разысканий Гете стала его комедия “Великий Кофта” (1791), где он в сатирической форме изобразил “Великого Копта” (Калиостро). Сатире подвергся не только сам Калиостро, но и руководимые им масонские собрания, по образцу придуманного им же нового устава египетского масонства.²⁹

Безусловно, все эти общеизвестные факты имелись в виду Белым, когда он упоминал о собирании Гете материалов о первых годах Калиостро. Но за ними для Белого также скрывалось и иное, эзотерическое содержание, объединяющее имена автора “Фауста” и самозваного графа как членов розенкрейцерского братства. Согласно ему, Калиостро своей деятельностью вызвал гнев руководителей ордена, и те поручили Гете высмеять “Великого Копта” в комедии. Источником этой информации для Белого можно считать “посвятительные сказки” А. Р. Минцловой. В архиве Э. К. Метнера сохранилась его дневниковая запись от 9 января 1910 года, пересказывающая ее слова о Гете. Воспроизводим небольшой фрагмент этой записи: “Предположения о розенкрейцерстве Гете: 1) вскоре после вступления в масонство ему был поставлен в саду глобус (эмблема предпоследней степени розенкрейцерства: теоретик) 2) Мюллер говорит о высшем посвящении, изменившим лик Гете в Италии. Все говорили об изменившемся по странному Гете. В Неаполе собирались тогда “учителя” (II степень розенкрейцерства). Гете был в Неаполе. Вероятно получил там посвящение и вместе с тем послушание: исследовать дело о Калиостро и уничтожить его сатирой. Гете в Сицилии на родине Калиостро. Гете пишет плохую комедию (утилитарное произведение) ‘Великий Кофта’”.³⁰

²⁷ Подробнее см.: Wilfried Potthoff. Zu Andrej Belyjs Putevye zametki. I. Sicilija i Tunis.

²⁸ См.: И. В. Гетс. Путешествие в Италию // Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей. Изд. под ред. Н. В. Гербеля. Т. 7. СПб. 1879, с. 243-256.

²⁹ О масонских нововведениях Калиостро см., напр.: Чарлз Уильям Гекертон. Тайные общества всех веков и всех стран: В 2-х частях. Ч. 1. М. 1993, с. 212-214.

³⁰ РГБ ф. 167. карт. 22. ед. хр. 15, л. 3 об. Подобную информацию Минцлова могла получить как от Р. Штейнера, так и от других источников. Существует запись Штейнера (ок. 1906 г.) на эту тему: О Гете и его отношении к розенкрейцерству (См.: Рудольф Штейнер. Легенда о Храме и Золотая легенда как символическое выражение прошлых и будущих тайн развития человека. М. 1998, с. 222-223). Минцлова также перевела статью Штейнера “Фа-

Вероятно, в той или иной редакции, эта информация со слов Минцловой была известна и Белому. Без сомнения, его поездка по Сицилии и пребывание в Палермо являлись в какой-то мере данью памяти Гете, попыткой прикоснуться к его розенкрейцерскому прошлому.

Несколько ранее Белого свое “инициатическое” путешествие “по Гете” планировал и Э. К. Метнер. Так, в письме к А. М. Метнер от 26 сентября 1910 года, он делился своими планами: “Я подъеду к Италии как Гете: спущусь с Альп в долину Ломбардии”.³¹ В определенном смысле это путешествие Метнера было более успешным, чем поездка Белого тремя месяцами позже: он посетил Ассизи. Оттуда он писал Белому: “Пишу Вам из священного города, куда Вы чуть-чуть не попали. Место совершенно святое и белое <...> Видел два дома с старым изображением розы и креста. Есть еще знак странный, в монастыре св. Франциска крест перекрещенный двумя руками крест на крест”.³² Письмо Белого Метнеру от 25 декабря 1910 года (письмо 7) можно считать в какой-то мере ответом на цитированное выше послание его “старинного друга”: в нем он сообщает уже о своей находке символа розенкрейцеров на Монреальском соборе. Между ними происходит как бы символическая переключка эмблемами “посвятительного пути”, отсылающая к общему интимному эзотерическому контексту. А сам этот “путь”, проступающий на страницах переписки и “Путевых заметок”, более явлен не в посещении каких-то определенных мест, но именно в упоминании подобного рода символов и имен, имеющих эмблематическое и эзотерическое значение.

“Странный” крест Монреальского собора, однако, является для Белого чем-то большим, чем просто розенкрейцерским символом. Он – ключ к тайне Сицилии: “Крест, обведенный на старом соборе отчетливым кругом, есть крест внутри *розы*. Розалия – имя святой этих мест. Соединение розы с крестом, нами ясно подслушано: морок Сицилии нам отблестал; мы коснулись *ключа* к словам Гете: *Здесь ключ ко всему*”.³³

Здесь сам Белый соединяет в творимом им мифотворческом пространстве эзотерического дискурса Гете и Вагнера, розенкрейцерство и

уст Гете как изображение его эзотерического мировоззрения” // Вопросы теософии. Сборник статей по теософии. Выпуск 1-й. СПб. 1907 (перизд.: Рудольф Штайнер. Из области духовного знания или антропософии. М. 1997, с. 9-34). О розенкрейцерстве Гёте см. также в докладе Штейнера от 4 июня 1906 г. “Теософия в Германии 100 лет назад” // там же, с. 177, 470.

³¹ Гос. центральный музей музыкальной культуры, ф. 132, ед. хр. 4881, л. 1.

³² РГБ, ф. 25. карт. 20. ед. хр. 6, л. 4. После слов “св. Франциска” следует рисунок описанного креста (частично смазан), сделанный Метнером.

³³ Путевые заметки, с. 135.

Монсальват, прообразом которого для Вагнера послужил Монреальский собор. Роза и крест становятся для него ключом к тайне Грааля.

Не случайно еще в начале “Путевых заметок” он связывает “посвятельную сказку” Минцловой с Граалем, а себя сравнивает с Амфортасом, ждущим исцеления (подразумевающим посвящение): “Мне слышались звуки громоздкого Вагнера; и – возникали Храмовники; так притянул Монреаль; оттолкнули – Флоренция, Рим. Я повис в эти годы над тайной Клингзора, которого силы меня пригибали к земле; я был – Амфортас: страшная рана ждала исцеления; Грааль меня влек; и вставала в сознании сказка путей; <...>”.³⁴

Проблематика, объединяющая розенкрейцеров, тамплиеров и легенду о Граале в единое целое, имеет давнюю эзотерическую традицию. Достаточно отметить, например, определенную близость магической и герметической традиции розенкрейцерской философии (а также ее антипапистскую направленность) с герметической традицией рыцарских орденов и с гностическими ересями раннего средневековья.³⁵

Мысль Белого, соединяющая их вместе, вполне традиционна. Можно указать и на лекционные курсы Р. Штейнера (известные Белому в транскрипции Минцловой), как на вероятный источник подобных умозаключений. Так, среди бумаг Эллиса сохранились конспекты лекций, озаглавленные “Парсифаль и Лоэнгрин” и “Парсифаль”, в которых проводится мысль о тайне Грааля, как о тайне “христианского посвящения”.³⁶

Подробный анализ всей этой проблематики, бесспорно чрезвычайно интересной, увел бы в сторону от темы нашего исследования. Стоит лишь подчеркнуть одно: здесь, в вопросе о местонахождении Грааля Белый не следует за Штейнером, помещавшим его в Испании. Он провидит Грааль в... Сицилии: “Песня мозаики – тайна Палермо; она – тот таинственный Грааль, о котором мы слышали у де-Троа и у Вольфрама фон Эшенбаха; легенды гласят, что священное место его есть Испания; но почему то мне кажется, что не в Испании высится сваянный светом Сальват (Монсальват), а – в Сицилии он – невидим; <...> Что ощущал Рихард Вагнер, кончавший в Палермо свою небывалую драму-мистерию – здесь, в отэль ‘Пальм’? Что он вычитал в воздухе? То же, быть может, что мы? Световую улыбку грядущего, отблеск которой – мозаика; лейт-

³⁴ Там же, с. 36.

³⁵ См., напр.: Рене Генон. Эзотеризм Данте // “Философские науки”, 8 (1991).

³⁶ РГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 11, 14. См. суммирование и развитие взглядов Р. Штейнера о Граале в книге его последователя Рудольфа Майера: В пространстве-время здесь... История Грааля. М. 1997.

мотив Грааля в окрестностях города мною подслушан; <...>”.³⁷ “Увиденный” и “вычитанный” в отблесках *византийской* мозаики Монреальского собора Грааль – вот итог “инициатического” путешествия Андрея Белого по Италии, результат художественной интуиции и эзотерического мифотворчества. Можно сказать и больше: Белый попытался интуитивно-художественно (и, быть может, бессознательно) увидеть и реконструировать истоки розенкрейцерства в итальянском средневековье, бывшие там еще до переезда “братьев” в 1909 году.³⁸

Далее “посвятительный путь” Андрея Белого пролегал через Тунис, Каир (памятное для него место, в окрестностях которого произошло третье “свидание” Вл. Соловьева с Софией) и египетские пирамиды (место “посвящения” Николая Аблеухова в “Петербурге”).³⁹ Закончился он, как известно, у Гроба Господня в Иерусалиме, а если точнее – *под* Гробом, у Соломонова Храма. Это завершение пути представляется вполне логически закономерным для розенкрейцерского неопита, если не считать отколота им от Храма кусочка.⁴⁰ Но настораживает не это, а признание, сделанное в “Африканском дневнике” о более раннем этапе путешествия: “Я приехал в Тунис отдохнуть, переждать холода, и с весенними первыми днями вернуться в Европу; нас ждали: Мессина, Катанья, Помпея, Неаполь, Равенна, Ассизи, Флоренция, Рим, галереи, музеи; а мы – засмотрелись куда-то в обратную сторону; юг и восток призывали; и голос Сахары раздался”.⁴¹

Это решение можно назвать символическим и провиденциальным для судеб позднейшей интерпретации самим Андреем Белым его “пути посвящения” и роли в нем заграничного “инициатического” путешествия (в том числе и итальянского). Он не только не побывал в Ассизи, но и не получил обещанного А. Р. Минцловой розенкрейцерского посвящения. Причиной тому, вероятно, стало его решение связать свой “посвятительный” путь с антропософией Р. Штейнера. И это несмотря на то, что Минцлова

³⁷ Путевые заметки, с. 95-96.

³⁸ О переезде “высшей коллегии” розенкрейцеров, или наиболее эзотерического ядра “братьев” из Германии в Италию в этом году, неоднократно писала Вяч. Иванову А. Р. Минцлова (о чем знал и Белый, готовясь к посвящению в Ассизи).

³⁹ См.: Лена Силард. Роман Андрея Белого между масонством и розенкрейцерством // Россия - Russia. 1991. Vol. 7, № 1-3.

⁴⁰ См. в письме А. Белого к А. С. Петровскому от 1 (14) апреля 1911 г.: “Мы были *под* Святым местом Мечети Омара, т. е. *Соломонови храма*. Я отколол кусочек скалы; и теперь считаю, что везу кусок – ... *Соломонова Храма*” (Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого, с. 174).

⁴¹ Андрей Белый. Африканский дневник, с. 348.

(уже разойдясь с Доктором) неоднократно говорила о профанации Штейнером глубин учения Розы и Креста, просила особенно не доверять “штейнеризации” христианства, и даже взяла у Белого обещание никогда не ездить к Штейнеру.⁴² Однако он не послушался. Выразив один раз недоверие “сказкам” Минцловой (отказавшись ехать в Ассизи), Андрей Белый обрек себя на постоянные *поиски* “путей посвящения”, но отнюдь не на обретение самой так желаемой им инициации. Ему показалось, что “сказка о древних путях” ведет его именно в Дорнах, что раз Штейнер был учителем Минцловой, то он обязательно должен быть настоящим розенкрейцером.⁴³

В исследовательской литературе уже отмечалось (и вполне справедливо), что в “Путевых заметках” пребывание Белого за границей в 1910-1911 годах было показано в искаженном свете позднейших годов, в результате чего итальянское путешествие становилось лишь этапом, приводящим автора к антропософии.⁴⁴ По мнению Ч. Де Микелиса: “Настоящая цель его странствия – настоящий оккультизм – ждала его как раз на западных Альпах, в суровых горах Швейцарии, недалеко от итальянских северных границ. Подойти по новому к ‘Путевым заметкам’, к итальянскому путешествию, и особенно в связи с их нелепостями, это значит воскрешать à rebours целый антропософский маршрут Андрея Белого”.⁴⁵

К сожалению, в суровых горах Швейцарии Белого ждал именно “настоящий оккультизм”, то есть профанация всякого подлинного эзотеризма и инициатического опыта.⁴⁶ Как несколько эмоционально, но верно заметил Эллис в 1913 году относительно сути антропософии: “Синтез Φ и теософии – чорт знает что такое!”⁴⁷

Если в итальянском путешествии Андрея Белого и есть нелепости, то исключительно вызванные его антропософской интерпретацией. В со-

⁴² См.: Андрей Белый. Начало века (берлинская редакция), л. 56.

⁴³ О характере розенкрейцерского посвящения самого Штейнера см., например, доклад П. А. Бурышкина “Розенкрейцерские истоки софианства”, где говорится, что Штейнер состоял в германской организации “легально посвященных” розенкрейцеров, руководимых Yarker’ом (См.: Н. А. Богомолов. Русская литература начала XX века и оккультизм, с. 461).

⁴⁴ См.: Ч. Де Микелис. “Путешествие по Италии” Андрея Белого, с. 54.

⁴⁵ Там же, с. 59.

⁴⁶ Подробнее о различии между оккультизмом и эзотеризмом в сфере инициации и о правомочности употребления этих терминов по отношению к символизму см.: Г. В. Нефедьев. Русский символизм: от спиритизма к антропософии. Два документа к биографии Эллиса // “Новое литературное обозрение”, 39 (1999), с. 120.

⁴⁷ Письмо Эллиса к Э. К. Метнеру от 16 мая 1913 г. (РГБ, ф. 167. карт. 8. ед. хр. 10, л. 1 об.).

знании автора “Путевых заметок” произошла смена парадигм, инверсия, подменившая розенкрейцерские ценности итальянского путешествия ценностями антропософскими. Конечно, это произошло не по специальному умыслу Белого, искренне считавшего “духовную науку” настоящим откровением розенкрейцерской мудрости. Но факт остается фактом: по мере своих последующих странствий Белый все далее и далее отдаляется от Ассизи, от Минцловой (теперь считавшейся им предательницей Штейнера и сумасшедшей), заронившей в нем “сказку путей”.⁴⁸ Искание “пути посвящения” все более выстраивается и трактуется как паломнический маршрут в Дорнах.

В какой-то мере настоящая работа и является попыткой воскрешения и прочтения à rebours “антропософского” маршрута путешествия по Италии Андрея Белого: реконструкцией его именно как розенкрейцерского “посвятительного пути”. Возможно, это необходимо, как необходима иногда реставрация древней мозаики, чтобы еще раз увидеть в ней “световую улыбку грядущего” – тайну Грааля.

Публикуемые ниже письма Андрея Белого печатаются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, с сохранением отдельных особенностей авторского написания. Раскрываемые сокращения и недописанные слова даются в угловых скобках. Подчеркнутые автором слова выделены курсивом.

Тексты писем публикуются по автографам, хранящимся в фонде Э. К. Метнера (РГБ, ф. 167, карт. 2, ед. хр. 20-25) и Эллиса (РГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 66).

⁴⁸ Отдельный и очень интересный вопрос, который мы здесь не рассматриваем, – это вопрос о причинах, по которым А. Белый во всех своих мемуарах и других документах автобиографического характера с почти фанатичным упорством проводит мысль о своем закономерном приходе в лоно антропософии, якобы заложенном еще в эпохе “зорь” начала века и продолжающей ее. Возможно, в этом проявилось свособразное “навязывание” исследователям концепции своей духовной биографии (См.: Е. В. Глухова. “Посвятительный миф” в биографии и творчестве Андрея Белого, с. 10).

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО

1. Метнеру¹

14 декабря 1910 г., Рим.

Милый друг!

Венеция – невыразимо хороша; уверен, что такого города больше нигде не увижу. Она блеснула огнями в голубом пятне моря, прокачала гондолой, и опять ушла.² Теперь в Риме. Устали. От Аси привет. Христос с Вами, милый. Б. Бугаев

¹ Открытка. На обороте репродукция: Roma – Il Campidoglio. Почт. шт.: Roma. 14. 12. 10; Москва. 6. 12. 10.

² В Венеции А. Белый и А. А. Тургенева были проездом 12 декабря.

2. Эллису¹

19 декабря 1910 г., Палермо.

Милый Лева,

Привет! Мы – в Палермо. Море – молочно-бирюзовое, целующее; солнце и розы, и золотистые апельсины. “*Kennst Du das Land, wo die citronen blühten?*”...² Dahin, dahin!³ В нашем отеле сад, где – пальмы, апельсины, двухсаженные кактусы; днем не надеваем накидок. В этом отеле жил Мопасан; читаем с Асей его книгу путешествия с автографом.⁴ Хозяин отеля сейчас много рассказывал о Рихарде Вагнере (он его помнит) – да!⁵ Вагнер в нашем отеле кончал Парсифаля.⁶ Сейчас еще есть его комнаты. Целую. Боря. И я. А<ся>.⁷

P. S. Привет Ниллендеру!⁸

¹ Открытка. На обороте репродукция: Palermo. La Zisa, costruzione del XII secolo. Почт. шт.: Palermo. 19. 12. 10; Москва. 12. 12. 10.

² Неточная цитата первой строки стихотворения Гете (“Ты знаешь край, где цветут лимоны?”), открывающего 3-ю книгу его романа “Годы учения Вильгельма Мейстера” (Wilhelm Meisters Lehrjahre, 1796).

³ Туда, туда! (нем.).

⁴ Имеется в виду книга Г. де Мопассана “Бродячая жизнь”, в которой, в частности, упомянут “Hôtel des Palmes”, где останавливался писатель. См.: Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 7 т. М. 1977. Т. 6, с. 331-332.

⁵ Хозяин отеля – мосье Рагуза. О нем и о пребывании А. Белого в его отеле см.: Путевые заметки, с. 57-59; Между двух революций, с. 367-368.

⁶ В 1882 г. Р. Вагнер, работая над своей последней музыкальной оперой “Парсифаль”, жил в Палермо.

⁷ Приписка серым карандашом рукой А. А. Тургеневой.

⁸ Нилендер Владимир Оттонович (1883-1965) – филолог-эллинист, переводчик, близкий друг А. Белого и Эллиса.

3. Метнеру

19 декабря 1910 г. Палермо.¹

“Kennst Du das Land, wo die
Citronen blühten?”²

Да, милый Друг: туда! туда! Средиземное море ласково лижет молочной бирюзой мавританско-испанский (чуть итальянский) Палермо. Апельсинные рощи опоясывают город, сквозя золотыми плодами; выше – страна гор, камней, кипарисов, часовень; еще выше голубое небо. Пока в отеле: безумно дорого: здесь Вагнер кончал Парсифаля (прожил 6 месяцев), и, наконец поссорился с хозяином нашего отеля (стариком), который все это и рассказал нам. Никак не можем устроиться; нет и помину того, о чем мечтали мы.³

¹ Открытка. На обороте репродукция: Palermo. Chiesa di S. Domenico (XVII secolo). Почт. шт.: Palermo. 19. 12. 10; Москва. 12. 12. 10.

² Здесь и далее в этом письме см. примечания к письму 2.

³ О трудностях, связанных с поиском дешевого и удобного отеля см. в последующих письмах А. Белого.

4. Метнеру

19 декабря 1910 г. Палермо.¹

Дорогой, милый Эмилий Карлович,

пишу Вам объяснительное письмо. Дело вот в чем: приехали в Палермо; здесь – дивно; не по дням, а по часам чувствую себя бодрее. Ася розовенькая и веселая; оказывается здесь место, где крепнут легкие. Рас-

положен Палермо так: бирюзовое море вдается в бухтон <так!>; на берегу мавританско-испанские дома (многие с плоскими крышами). Растительность – тропическая; громадные кактусы в 2-3 сажени и цветами (кистью) в человеческий рост; тростники, которые у нас растут в комнатах и хиреют от холода, толщиной в руку; далее финиковые пальмы, рододендроны, эвкалипты, магнолии, перевитые лианами, какие-то тропические, неведомые растения; и вместе с тем пинии, платаны, клены – но мало. Все это цветет, жужжит пчелами и комарами; не жарко, но и днем и даже ночью можно ходить без пальто; Палермо окружен кольцом апельсиновых рощ; выше раковина гор – диких, с разбойниками; еще в Палермо есть дух Италии, а в Монреале (семь километров от Палермо – в горах) ходят испанцы в плащах – не то испанцы, не то арабы. Были все четыре дня в поисках; Лурье² наврал; вокруг Палермо всего две-три деревушки рыбачьи *ужасающей грязи*, где жить невозможно, а без знания языка и опасно (ведь Сицилия искони – страна разбойников и “*Маффи*” <так!>), или же роскошные виллы герцогов, князей и богатой буржуазии (снять – дорого). Были в *Палермо*, в *Санта Мариа Иезус*,³ в *Дельмонта*, еще в одной деревне, справлялись в *Аскасанта*,⁴ и – жить негде. Бирюзовое, манящее море, а жить на нем нельзя. Вчера были в Монреале. Монреаль в горах; население арабско-испанское, дикое. Монреаль невероятно живописен; он обрывается над Палермо крутизной; в глубине которой море апельсиновых рощ; вдали Палермо и залив; а с другой стороны каменные, ущелистые горы. Здесь собор, древнейший в Италии.⁵ Только тут мы с Асей кое-что присмотрели, хотя невыразимо дорого. Сегодня делаем последнюю попытку устроиться дешево и уютно; едем в *Багерию*,⁶ деревушку близ моря по железной дороге. Если там нет ничего, я в отчаянье.

Дело вот в чем. Ася во Францию не хочет; в Неаполе народ разбойник <так!>; севернее Рима теперь холода. В Германию нам с Асей нельзя; мы невольно загнаны сюда; да, и кроме того: здесь жить безумно хорошо для здоровья, нервов, работы; уже многое просится работать; единственно, что смущает меня – деньги.

Сейчас мы в безумно дорогом отеле; попали по неведению; комнаты показались дешевы, а все прочее ужасно дорого; между тем до получения денег съехать нельзя; ибо оставили адрес *Hôtel des Palmes*. Жду каждый день телеграммы: Кожебаткин молчит.⁷ Если в Багерии ничего не найдем, придется жить в Монреале в *Hôtel Savoia*⁸ (другого ничего нет); пансион по 8 лир с человека в день; и того 16 лир, то есть в месяц 16 × 30 = 480 лир; далее мелкие расходы (прачка, на чай и т. д.); = 500 лир, то есть 200 рублей; но здесь нет папирос: минимум 2 лиры на одни папиросы в день, то есть + еще 60 лир, то есть 560 лир; плюс чай, необходимые ме-

лочи, и т<ак> далее: словом на 200 рублей прожить здесь нельзя. На 300 да. Особенно сейчас, когда мне нужно купить костюм и в дороге разлезлись сапоги; Асе постоянно нужна какая-нибудь мелочь; милый, дорогой друг: ехать обратно – куда? Опять тратиться; работать в Монреале можно великолепно, быстро; как только переедем пишу, пишу, пишу, пишу; я кажется взял из 3000⁹ шестьсот рублей; осталось 2400, т. е. прожить на 8 месяцев, в эти 8 месяцев я допишу 1) Голубя¹⁰ 2) драму;¹¹ за Голубя минимум 2200, за печатаньем отдельным изданием минимум – 300; = 2500; за драму минимум 150 = 2650; остаются 350: возвращаю фельетонами.¹²

Итак, дорогой друг, пожалуйста, прошу Вас, дайте возможность прожить; ведь я же не знал условия жизни в Палермо. Переезжать же особенно обидно в виду прекрасного климата, тишины и пр., а главное – не знаешь куда.

Повторяю: последняя надежда – Багерия, но, судя по всему вряд ли; здесь нет обычая снимать домики у крестьян; есть только *виллы*, *пансионны* или же клоаки, где даже русский рабочий не поселится без брезгливости.

С тревогой жду ответа.

А пока цветы цветут. Сердце поет; и только беспокойство отравляет счастье. Ася невыразимое существо; я – счастлив.

Остаюсь нежно любящий Вас

Б. Бугаев.

Р. S. Анне Михайловне¹³ привет, Николаю Карловичу¹⁴ тоже.

В четверг с Вами?¹⁵

¹ Датируется на основании пометы Э. К. Метнера серым карандашом: “19/12. 910”.

² Лурье Семен Владимирович (1867-1927) – журналист, сотрудник журнала “Русская мысль” в 1908-1911 гг. См. о нем: Между двух революций, с. 217.

³ Santa Maria del Gesù – францисканский монастырь в окрестностях Палермо. Ср. в письме А. Белого к матери от 18(31) декабря 1910 г.: “Были в “Santa Maria Gesù”, старом францисканском монастыре, откуда дивный вид на Палермо” (Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого. Вступит. ст., публ. и коммент. Н. В. Котрелева // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М. 1988, с. 149).

⁴ Имется в виду пригород Палермо Acquasanta, где находится неоклассицистическая вилла Бельмонте (Белый ошибочно называет ее Дельмонте).

⁵ Монреальский собор (1174-1189) – построен при Вильгельме II, памятник норманосицилийского стиля, известный своими мозаиками. О “византийском” характере собора и его мозаиках Белый неоднократно писал. См. о нем в последующих письмах Белого и в Путевых заметках (с. 136-151).

⁶ Кроме чисто утилитарной цели – “устроиться дешево и уютно”, подобная поездка могла иметь и иные, эстетические и познавательные задачи. Так, в своих мемуарах Белый

пишет о “Сицилии эпохи барокко, отпечатленного в виллах Багерии” (см.: Между двух революций, с. 369). См. также в письме А. Белого к матери от 18 (31) декабря 1910 г.: “Были в Багерии, где среди тропической растительности среди гор странные виллы старой сицилийской знати с изображением драконов и чудовищ” (Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого, с. 149).

⁷ Кожебаткин Александр Мелстьевич (1884-1942) – секретарь издательства “Мусагет” в 1909-1911 гг., владелец издательства “Альциона”. Речь идет об очередной сумме денег, о высылке которой Белому должен был сообщить Кожебаткин.

⁸ Hôtel Savoia (Ristorante Savoia) – гостиница в Монреале, в которой А. Белый и А. А. Тургенева проживали с 25 декабря 1910 г. по 5 января 1911 г. См.: Путевые заметки, с. 152-154.

⁹ Речь идет о сумме, одолженной Белому в кредит “Мусагетом”, из которой он получал ежемесячно по 200-300 рублей.

¹⁰ Так А. Белый на подготовительной стадии работы именовал свой роман “Петербург”, задуманный как продолжение “Серебряного голубя”.

¹¹ Имеется в виду нереализованный замысел драмы “Красный шут”, по предположению Л. К. Долгополова являющейся промежуточным звеном между “Серебряным голубем” и “Петербургом” (См.: Л. К. Долгополов. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого “Петербург” // Андрей Белый. Петербург. М. 1981, с. 546).

¹² Подразумеваются фельетоны, опубликованные в 1911 г. в газетах “Речь”, “Утро России”, и “Современное слово”, и впоследствии легшие в основу “Путевых заметок”. В письме от 30 декабря 1910 г. Белый сообщал А. М. Кожебаткину: “Из суммы фельетонов об Италии, думаю, составиться для *Мусагета* книга; хочу об Италии писать много” (РГАЛИ, ф. 53, оп. 3, ед. хр. 11, л. 10).

¹³ Метнер (урожд. Братенши) Анна Михайловна (1877-1965) – скрипачка, жена Э. К. Метнера, а затем Н. К. Метнера.

¹⁴ Николай Карлович Метнер (1879-1951) – композитор, брат Э. К. Метнера.

¹⁵ Вероятно подразумевается какое-то эзотерическое значение четверга, известное как Белому, так и Метнеру. См. в письме А. Белого к А. Блоку от 1 (14) мая 1912 г.: “Четверги же для меня звучат *по-особенному*. С 1910 года (не могу сказать почему). И потом четверг наиболее благодатный день – день *сафира* и планеты Юпитер” (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка, с. 296). В ответном письме от 19 декабря (ст. ст.) 1910 г. Э. К. Метнер писал А. Белому: “Ваше письмо и несколько открыток получил. <...> Ваш расчет не совсем верен, т<ак> к<ак> Вы забыли, что на обратный путь и на разные расходы (платье, белье, книги и проч<ее>) потребуется большая сумма; кроме того, раньше весны не начнется печатание Голубя, т. е. следовательно раньше *окончания* нашего операционного года, т. е. мы не обернемся в этом году теми средствами, кот<орые> в нашем распоряжении. Но тем не менее Вы не беспокойтесь; мы будем вам высылать *пока* 300 р<ублей>; далее будет видно; м<ожет> б<ыть> Вы переедите в Ниццу, где дешевле, или просто сократите срок пребывания за границей, напр<имер> до весны.” (РГБ, ф. 25. карт. 20. ед. хр. 6, л. 1, 1 об.; тоже самое – копия через копирку: ф. 167. карт. 5. ед. хр. 18).

5. Эллису¹

24 декабря 1910 г. Монреаль.

Милый Лева, помню, люблю – пиши: как? Хочу от тебя писем. Что "Мусагет"? Как Эм<илий> Карл<ович>? Твои лекции?² Живем в Монреале, диком мавританско-испанском городке. Здесь старый, жуткий собор;³ Монреаль в горах; живем в пансионе, откуда из окон видно Палермо и море; внизу обрыв и апельсиновые рощи. Ася мое утешение, моя жизнь и смерть. Адрес: Italia, Sicilia, Monreale. Restorante Savoia. Мне. Вот как мы живем.⁴

Пиши. Целую. Боря. От Аси привет.

¹ Открытка. На обороте репродукция: Monreale – Il Chiostro. Почт. шт.: Monreale. 24. 12. 10; Москва. 17. 12. 10.

² Имеются в виду лекции Эллиса, посвященные изучению символизма и оккультных учений (главным образом розенкрейцерства и идей Р. Штейнера), которые читались в "Молодом Мусагете" – кружке молодежи, организованного Эллисом в 1909 г. О "Молодом Мусагете" есть краткое свидетельство в "Воспоминаниях о Блоке" А. Белого: "Людный и шумный кружок собирался под руководством бурнейшего Эллиса; был посвящен изучению он символизма; но там поднимались вопросы пути посвящения; и читались рефераты, взывающие к отысканию Мон-Сальвата и Китежа; он собирался на Пресне, в оригинальнейшей студии скульптора Крахта (покойного ныне); там Эллис и Крахт были подлинными вдохновителями молодежи; <...>" (См.: Андрей Белый. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. с. 362; см. также: Между двух революций, с. 342-343).

³ См. примеч. 5 к письму 4.

⁴ Здесь на открытке А. Белым нарисован карандашом небольшой рисунок-карта (с пояснительными надписями ручкой), изображающий горную цепь, окружающую Монреаль и Палермо, расположенный между морем и апельсиновыми рощами. Мы воспроизводим его.

6. Метнеру¹

25 декабря 1910 г. Монреаль

Милый друг!

Я – в Монреале; на днях подробно пишу; адрес: Italia, Sicilia, Monreale, Ristorante Savoia. A monsieur Boris Bougaieff. Дикий, грозный испанско-арабский город; мало Италии; много Востока; родина Калиостро.² Горы, внизу обрыв; море апельсиновых рощ; объясняемся знаками. Я безмерно счастлив. Вдали море. От Аси привет. Письмо пишу.³ Все объясню подробно. Любящий Б. Бугаев.

(см. на обороте соборы)

¹ Открытка. На обороте репродукция: Monreale – Duomo Lato Orientale. Почт. шт.: Monreale. 25. 12. 10; Москва. 17. 12. 10.

² Джузеппе Бальзамо, граф Калиостро (1743-1795), родился в Палермо.

³ Имеется в виду письмо 9.

7. Метнеру¹

25 декабря 1910 г. Монреаль

Милый, милый Эмилий Карлович!

На днях пишу. Сейчас еще столько впечатлений зрительных, столько впечатлений внутренней жизни, что слова – намек. Скажу только: Монреаль странный город; жить здесь можно всю жизнь. Странно. Рядом с нами старинный собор 12 века, весь из цветной мозаики и – смотрите – до чего византийский.² А главное он увенчан крестом *необычной формы* ³; таких крестов нет. Ну, прощайте; на днях пишу. Любящий нежно

Б. Бугаев.

P. S. Ник<олаю> Карл<овичу> и Анне Мих<айловне> привет.

¹ Открытка. На обороте репродукция: Monreale – Cattedrale – Incoronazione di Guglielmo II (mosaico). Почт. шт.: Monreale. 25. 12. 10; Москва. 19. 12. 10.

² См. примеч. 5 к письму 4.

³ Крест, вписанный в круг – символ розенкрейцерского братства, неоднократно появляющийся на страницах писем А. Белого и Элліса в 1910-1914 гг. В письме к М. К. Морозовой (1-я декада сентября 1912 г.) Белый дает следующую трактовку этому символу: “Символ Розы – полнота, совершенство, т. е. круг: О; итак символ Розенкрейцерства или – 7 роз” (См.: Джон Малмстад. Андрей Белый в поисках Рудольфа Штейнера. Письма Андрея Белого А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой // “Новое литературное обозрение”, 9 (1994),

с. 134). Этот крест Монреальского собора, видимо, послужил одной из отправных точек для некоторых эзотерических обобщений в “Путевых заметках” А. Белого. См. о нем: Путевые заметки, с. 135.

8. Эллису¹

26 декабря 1910 г. Монреаль

Лева, удар твоему католичеству; древнейший в Италии Монреальский собор – собор византийский; смотри, какая мозаика.² Мы с Асей каждый день ходим в собор; там – странная служба. Завывают старушки, точно осенние листья в ненастье, носастые и глазастые; дьячок в соборе гнусит и лопочет по нашему, православному. А это – католическая древность; в Монреале множество хромцов, носарей, карлов, стариков и мальчишек;³ кругом множество лимонов и апельсинов. От Аси привет. Вчера встречали неожиданно странно Рождество. Читали Евангелие от Иоанна и Апокалипсис. Ася читает Гете,⁴ а я Бедекера.⁵ Ночью оболтусы в плащах орали хоралы. Пиши!

Твой Боря.

Монреаль дивно хорош и дивно грозен. Донцам⁶ привет.

¹ Открытка. На обороте репродукция: Monreale – Cattedrale – Mosaici rappresentanti fatti della Storia Sacra. Почт. шт.: Monreale. 26. 12. 10; Москва. 18. 19. 12. 10.

² Речь идет о репродукции фрагмента мозаики Монреальского собора; изображенной на обороте открытки.

³ Сходный образный ряд в описании прихожан Монреальского собора дан в “Путевых заметках”: “И набожно тянется стая старух; вереницей хромых, сутулых, угрюмых, приземистых карлов <...>” (См.: Путевые заметки, с. 123).

⁴ Имеется в виду “Путешествие в Италию” (1816-1817) И. В. Гете.

⁵ Бедкер Карл (1801-1859) – составитель популярных путеводителей, в просторечии называемых “бедкерами”.

⁶ Речь идет о соседях и гостях Эллиса, проживавших вместе с ним в меблированных комнатах “Дон”, расположенных по адресу: Москва. Плющиха. Дом Патрикесва.

9. Метнеру

1 января 1911. Монреаль.¹

Дорогой друг,

Начинаю длинное это письмо образом; у меня в окне море; в глубине моря за 150 верст туманные видны острова Устики (вулканические). Далее полукруг береговой Палермо, далее – море апельсиновых рощ и мно-

жество желтых точек – апельсинов; далее: каменная веранда висящая над обрывом; далее – если подняться по белой каменной лестнице на крышу, то с другой, противоположной стороны – горы; вправо – покрыты снегом (ночью выпал холодный дождь, на горах – выпал снег); прямо – сотни домиков вытянутых вверх, красных, желтых, из камня с плоскими крышами; у одного домика растопырилась пальма (вид восточный); если же подойти к окну – вот что я вижу: пятнадцать шагов по веранде; далее: отвесная каменная стена – 3 сажени; у краешка стены стоит над 3 саженими Бог весть как туда вскарабкавшаяся Ася, с опасностью <для> жизни рисующая горы и восточный вид города; маленькая над стеной, с золотыми кудрями и широкополой шляпе; каждые две минуты я стучу ей в окно; она оборачивается, свешивается со стены; я посылаю ей воздушный поцелуй, она – улыбается мне; она – моя жизнь, любовь; и она отныне – подруга моей жизни; вот – образ; больше ничего не прибавлю к нему...

Внизу собралась толпа, человек 20 мальчишек: они кричат и радуются, что *madam*, здесь так все называют Асю – обезьянка...

А теперь деловое: ужасно обманул меня Лурье; великолепная природа, интереснейшая из всех мною виденных стран, но, Боже мой, до чего тупой, косолапый, глупый и грабящий народ; и до чего невыносимо без знания языка; по-французски здесь знают только в отелях, да и то Палермских; а вот мы в Монреале уже десять дней объясняем знаки. Как попали мы в Монреаль, спросите Вы? Да выбора не было: целую неделю рыскали мы по окрестностям Палермо, не находя ровным счетом ничего подходящего. Мы попали в *Hôtel des Palmes* случайно; оказалось это дорогой страшно отель; и пока с неделю ждал я ответа от Кожебаткина (перевода денег); мы успели прожить в одном отеле – 300 франков. Как это случилось, спросите Вы? Да вот: здесь в Монреале счет за белье подали нам в 2 лиры 80 цент<езим>,² за меньшее количество белья в Палермо подали счет в 12 лир; и так – во всем; съехать до телеграммы Кожебаткина³ было нельзя. Каждая поездка за поисками помещений – 15 франков. И глупо же здесь устроено: море – а на берегу моря нет ни вилл, ни домиков: есть – клоаки, но домиков – нет; может быть, где-нибудь и есть, но в “*Hôtel des Palmes*” корыстно от нас все скрывали, а языками – ни слова: я соскакивал с извозчика, и начинал с отчаянья кричать: “*appartamento*”,⁴ “*camera*”⁵ – “*quando costa*”;⁶ собирались сицилийцы, бессвязно лопотали, и я, не узнав ничего, опять садился на извозчика. Единственное, что нашли мы, – в Монреале две комнаты с видом 8 лир пансиона с каждого; городок – арабско-испанский, очаровательный, но... – сперва мы умирали от холода, обои в комнатах – в клочьях, одно стекло в окне – разбито; а тут грянули холода (Монреаль значительно выше Палермо). Едва уговорили мы поставить нам печку: поставили – два дня мы

угорали; Ася угорела серьезно; печку нельзя было топить; и опять мы замерзали; далее уговорили мы поставить керосиновую печь: поставили – в комнатах заплавали клочья копоти; опять таки топить нельзя; опять холод – и сыро.⁷ А между тем; в неделю подали счет 130 лир; плюс минимум еще шесть лир в день (табак – 30 центезами, спички – 20, Асе папиросы – 1 лира, спирт для чаю, открытки, почта и т.д.). $6 \times 7 = 42$; $130 + 42 = 172$ лиры неделя, если сидеть, мерзнуть, не трогаться с места, ничего не видеть и т. д.; или 688 лир в месяц; на передвижения, осмотры, экскурсию, покупку хотя бы платьев, сапог и др<угих> вещей менее ста лир в месяц. И вот мы решили: в Палермо жить дорого, в Монреале сейчас наживем смертельную простуду; справились по Бедеккеру; оказалось: в Тунисе дешевле, чем здесь; едем в Тунис и там проведем зиму;⁸ там же начинаю “Голубя”,⁹ там быстро пишу драму. Но, Эмилий Карлович, придется просить Кожебаткина похлопотать о продаже кавказского имения;¹⁰ авось в шесть месяцев что-нибудь устроиться, а пока – в 6 месяцев обязуюсь докончить “Голубя”. Сейчас жарю ежедневно по фельетону; кажется сумма фельетонов обещает составит книгу “Путевые заметки”;¹¹ собираюсь предложить “Мусагету”. Сейчас примусь за четвертый фельетон; три выслал.¹²

Но, Эмилий Карлович, выяснилось, что не 200, а *триста рублей* нам нужно; здесь в Монреале вот уже пятый день как веду счет; собираюсь его Вам представить по истечению месяца.

А сейчас очень прошу месяца 3 уступить мне гонорар за фельетоны; у меня единственный костюмчик, у Аси нет шляпы, сапоги мои уже 10 дней – развалины; кроме того – переезд в Тунис; и вот: хотелось бы, чтобы было так: чтобы в счет идущих моих в “Речи” и в “Утре России” фельетонов прислали мне в Тунис рублей 150; а за тем, по истечению месяца, то есть к *пятому русскому январю* мне прислали сумму на следующий месяц (300 рублей); а затем вычли экстренные 150 рублей по мере печатания фельетонов. 150 рублей = 3 моих фельетона. Фельетонов буду писать по 4 в месяц. 3000 рублей окуплю следующим образом. 20 листов “Голубя” по 150 рублей за лист в “Русской Мысли”¹³ = 3000; кроме того: напечатание отдельным изданием в “Мусагете” – минимум 300; книга статей о Италии¹⁴ – 150 р<ублей> (так?); драма – 150 (так?). Итого: заработаю: $3000 + 300 + 150 + 150 = 3600$ рублей. Умоляю Вас, дорогой друг, согласится на мое предложение. Да?...

Спешу окончить письмо: из Туниса пишу о себе – внутренне: пишете.

Адрес: *Тунис. Poste restante*. Мне.

Остаюсь любящий

Б. Бугаев.

Р. S. Анне Михайловне привет. Привет Николаю Карловичу.

¹ Датируется на основании пометы Э. К. Метнера серым карандашом: “1/Л. 911”.

² Чентезими (centesimi) – итальянская денежная единица (1 лира – 100 чентезим). См. примечание самого А. Белого, сделанное им к своему тексту в “Путевых заметках”: “Итальянская монета, соответствующая сантимам” (с. 122).

³ См. примеч. 7 к письму 4.

⁴ Квартира (итал.).

⁵ Комната (итал.).

⁶ Правильно: “quanto costa” – сколько стоит? (итал.).

⁷ Об этом эпизоде жизни А. Белого и А. А. Тургеневой в Монреале см.: Путевые заметки, с. 154.

⁸ В Тунисе А. Белый и А. А. Тургенева пробыли с 5 января по 8 марта 1911 г. См.: Между двух революций, с. 370-383; Африканский дневник, с. 331-378.

⁹ К работе над романом “Петербург” А. Белый приступил в октябре 1911 г.

¹⁰ Имеется в виду унаследованное А. Белым от отца имение на Кавказе (близ Адлера, в Сочинском уезде Черноморского округа), которое он в первой половине 1910-х гг. безуспешно пытался продать или заложить. Первые реальные шаги по продаже имения были предприняты Белым в самом начале 1911 г. О них он сообщал матери – А. Д. Бугаевой в письме от 12 февраля 1911 г., мотивируя свое решение продать имение необходимостью достать денег на ближайшие 2 года для написания “Голубя” (будущего “Петербурга”): “Я списался с Эм<илием> Карл<овичем> Метнером и с *Мусагетом*. Друзья мои берутся устроить продажу. В виду этого Кожебаткин имеет от меня доверенность; он придет к тебе вместе с Эм<илием> Карл<овичем> Метнером и Ал<ексеем> Сергеевичем Петровским поговорить о кавказском имении. Дело о продаже двинут они; у Кожебаткина большая опытность в ведении бумаг” (РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 359, л. 42).

¹¹ В основу 1-го тома “Путевых заметок”, работу над которыми А. Белый закончил в сентябре 1911 г., вошли фельетоны, опубликованные в газетах: Речь (1911, № 24, 25 января; № 32, 2 февраля; № 43, 13 февраля; № 151, 5 июня; № 179, 3 июля; № 200, 24 июля; № 267, 29 сентября); Утро России (1911, 5 апреля); Современное слово (1911, 3 июля; 24 июля; 29 сентября); а также в журнале Современник (1912, № 5-7).

¹² Имеются в виду фельетоны: Венеция (“Речь”, № 24, 25 января); От Венеции до Палермо (“Речь”, № 32, 2 февраля); Палермо (“Речь”, № 43, 13 февраля). Четвертым фельетоном, видимо, был Смех и слезы (“Речь”, № 179, 3 июля; “Современное слово”, 3 июля). В письме от 31 декабря 1910 г. А. Белый извещал А. М. Кожебаткина, занимавшегося пристройкой фельетонов в газеты: “3 фельетона уже посланы; 4-й следует; 5-й тоже. Узнай в *Утре России* смогут ли они 1 раз в неделю печатать мои *Путевые заметки*; если нет, то фельетон о *Палермо* уже пошли в Речь <...>” (РГАЛИ, ф. 53, оп. 3, ед. хр. 11, л. 11).

¹³ Одно из первых упоминаний о намерении А. Белого опубликовать свой роман на страницах журнала “Русская мысль”, официальный заказ от которой на печатание “Петербурга” был получен писателем только в сентябре 1911 г.

¹⁴ Подразумевается 1-й том “Путевых заметок”.